

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ РАННЕСКИФСКИХ ЗООМОРФНЫХ БУТЕРОЛЕЙ

СЕРГЕЙ МАХОРТЫХ

On the One Type of the Early Scythian Zoomorphic Scabbard Chapes. The article is devoted to the examination of the early Scythian bronze and bone scabbard ends decorated with images of a coiled animal, which were found in the Caucasus and the forest-steppe Dnieper area. It provides the morphological and chronological analysis of the artifacts and discusses the origin of this particular type of zoomorphic chapes.

Keywords: Caucasus, 7th–6th centuries BC, Scythians, scabbard chape, coiled animal.

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена рассмотрению хронологии и происхождения раннескифских наконечников ножен акинаков, украшенных изображениями свернувшегося хищника (рис. 1: 1–13). Эта категория предметов VII–VI вв. до н. э., важная для изучения культуры и истории кочевых скифов, а также их взаимоотношений с местным кавказским населением не была еще предметом специального изучения. На Кавказе выделяется несколько ареалов распространения анализируемых предметов. Главный из них, где найдено восемь таких наконечников ножен, локализуется в горной зоне Центрального Кавказа и прилегающих плоскостных районах (Тлийский могильник: погребения 164, 216, 258, 378; Нартан: курган 21; могильник Фаскау; Рук).¹ Второй ареал с находками, предположительно, трех экземпляров включает Северо-Западный Кавказ (хутор Грозный; курган 46 «Семигорье»; Майкоп?). На территории Украины эти предметы единичны и выявлены в Днепровском лесостепном Правобережье (Макеевка: курган 435; Дарьевка).

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БУТЕРОЛЕЙ

Ниже приводится краткое описание мест обнаружения бутеролей и/или комплексов, включающих эти предметы, которое начинается с более восточных находок.

1. Хутор Степной (Чечня). Бронзовая бутероль происходит из разрушенного погребения в кургане.

Вместе с наконечником выявлен биметаллический кинжал с железным клинком и бронзовой рукоятью (рис. 2: 1; *Виноградов 1974*, рис. 1: 2).

2. Нартановский могильник, курган 21, погребение 1 (Кабардино-Балкария). Помимо костяной бутероли, в погребении выявлены нож, костяная застежка и столбики от колчана, наконечники стрел, среди которых преобладают бронзовые трехлопастные экземпляры, пронизь, миска, отщеп кремня (рис. 3: 4; *Батчаев 1985*, табл. 51: 20).

3. Могильник Фаскау (Северная Осетия). Случайная находка обломка бронзового наконечника ножен (*Мошинский/Переводчикова 2004*, рис. 1: 2).

4. Могильник Фаскау (Северная Осетия). Случайная находка бронзовой бутероли с выступом в нижней части (рис. 2: 6; *Мошинский 2010*; *Мошинский/Переводчикова 2004*, рис. 1: 1).

5. Село Рук (Южная Осетия). Случайная находка бронзового наконечника ножен (рис. 3: 2; *Техов 1980*, рис. 23: 1).

6. Тлийский могильник, погребение 164 (Южная Осетия). Захоронение включает бронзовый наконечник ножен, железные топор, нож, кинжал «келермесского» типа, бронзовую пряжку и каменный оселок с бронзовой цепочкой (рис. 3: 6; *Техов 1980*, рис. 12: 6).

7. Тлийский могильник, погребение 216 (Южная Осетия). В нем выявлен разнообразный инвентарь: костяная бутероль, железные топор, кинжал, наконечник копья, нож, бронзовые миска, фибула, гривна, пинцет, пряжка, пояс, а также череп коня, удила, застежка, костяное изделие в виде головки птицы и сердоликовые бусы (рис. 3: 3; *Техов 1980*, рис. 14: 5).

¹ В горных районах Центрального Кавказа локализуется и большая часть находок другой, более молодой в хронологическом отношении разновидности раннескифских зооморфных бронзовых наконечников ножен, оформленных в виде головы хищной птицы (10 экз.; *Вольная 2015*). Данное обстоятельство, свидетельствует как о длительных и активных контактах скифов с местными обитателями этого кавказского региона, так и важности последнего для обеспечения металлом и изделиями из него обитающих в Предкавказье кочевников (*Махортых 1991*, 112).

8. Тлийский могильник, погребение 258 (Южная Осетия). Захоронение является парным. С женским скелетом связывается находка серьги, а с мужским находки железного топора, ножа с утолщенной спинкой, а также костяного наконечника ножен, состоящего из двух половинок, скрепленных между собой бронзовыми гвоздиками (рис. 2: 7; *Техов 1980*, рис. 19: 2).

9. Тлийский могильник, погребение 378 (Южная Осетия). Вместе с костяной бутеролью найдены железные топор, акинак, бронзовые фибула, ведерко, каменный оселок и несколько сердоликовых бусин (*Техов 2002*, табл. 54: 1–8).

10. Хутор Грозный близ города Майкопа (Адыгея). Случайная находка костяного зооморфного наконечника ножен (рис. 3: 1; *Канторович/Эрлих 2006*, 79, кат. 43).

10а. Покупка в Майкопе в 1915 г. представлена бронзовой бутеролью, точное местонахождение которой неизвестно (рис. 3: 5; *Канторович/Шишлов 2014*, рис. 5: 6).

11. Курган 46 курганной группы «Семигорье» близ города Новороссийска (Краснодарский край). С бронзовой бутеролью обнаружены обломки железного кинжала и двух бронзовых булавок (рис. 2: 4; *Канторович/Шишлов 2014*, рис. 3: 4).

12. Село Макеевка, курган 453 (Черкасская область, Украина). В погребении выявлены: обломок

костяного наконечника ножен, лепной кубок, удила, псалии, наконечник копья, на острие которого был одет футляр в форме усеченного конуса, железный пластинчатый обруч и обломок ножа (рис. 2: 11; *Галанина 1977*, табл. 7: 7).

13. Курган в урочище Дарьевка близ города Шполы (Черкасская область, Украина). К числу находок, предположительно обнаруженных вместе с костяной бутеролью, относятся железный кинжал, костяные наконечники в виде львиной и орлиной головок, застёжки и столбики от колчана, ложечка с изображением фигурки хищника кошачьей породы и стоящей на нем фигурки козла, бронзовые булавки, золотые бляхи в виде фигурок оленя, а также серьга (рис. 3: 10; *Бобринской 1894*, 131, рис. 13).

РАЗНОВИДНОСТИ БУТЕРОЛЕЙ

Для изготовления бутеролей использовались кость (рог) и бронза (по 7 экз.). По форме рассматриваемые бутероли делятся на несколько разновидностей. Большинство из них (не менее 8 экз.) имеет полуовальную форму (рис. 3: 2–6). Остальные характеризуются округлыми очертаниями или близки к полуовальным, но с выступающим нижним краем, оформленным в зверином стиле (рис. 2: 1, 7).

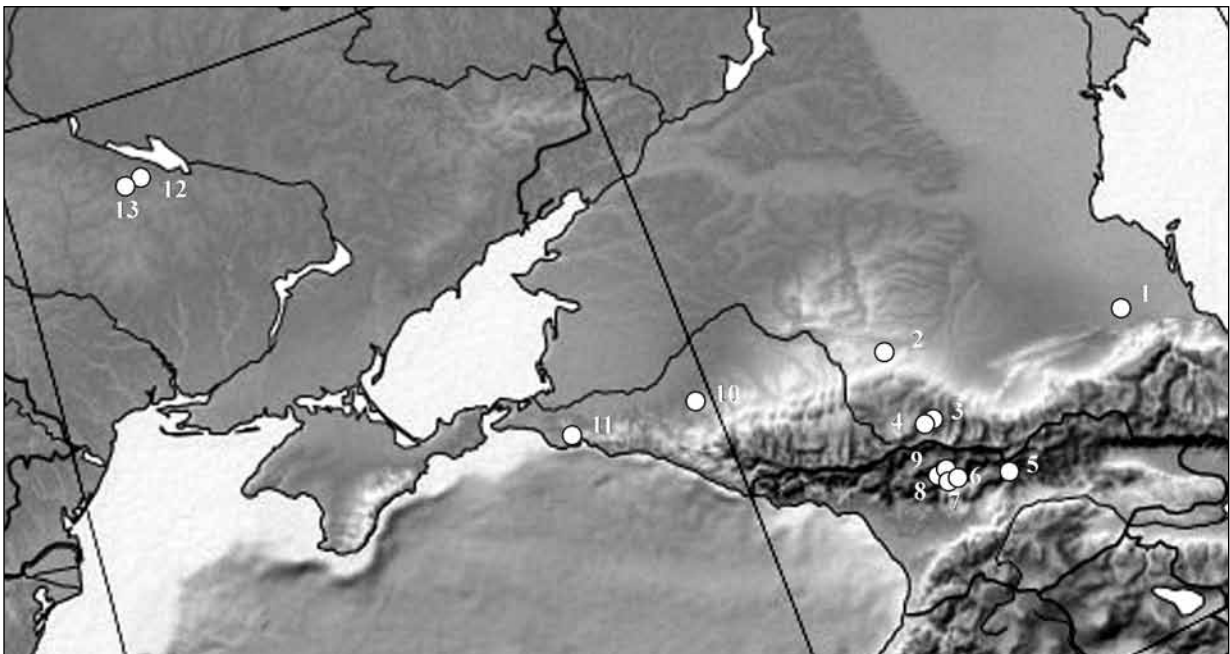

Рис. 1. Карта-схема распространения наконечников ножен украшенных изображениями свернувшегося хищника на Кавказе и в лесостепном Поднепровье. 1 – Степной; 2 – Нартаң, курган 21; 3, 4 – могильник Фаскау; 5 – Рук; 6–9 – Тлийский могильник, погребения 164, 216, 258, 378; 10 – Грозный; 11 – курганная группа «Семигорье», курган 46; 12 – Макеевка, курган 453; 13 – Дарьевка.

Рис. 2. Наконечники ножен (1, 3–9, 11), лука (10), а также бляха (2), украшенные зооморфными изображениями. 1 – Степной; 2 – сибирская коллекция Петра I; 3, 8, 9 – Иран; 4 – Семигорье; 5 – Аянис; 6 – Фаскау; 7 – Тли, погребение 258; 10 – Новоалександровка, курган 7, погребение 8; 11 – Макеевка, курган 453. Масштаб изображений произвольный (по Виноградов 1972; Галанина 1977; Канторович/Шишлов 2014; Кореняко/Лукьяшко 1982; Мошинский 2010; Переводчикова 1983; Руденко 1962; Техов 1980; Barbier 1996; Çilingiroğlu 2018).

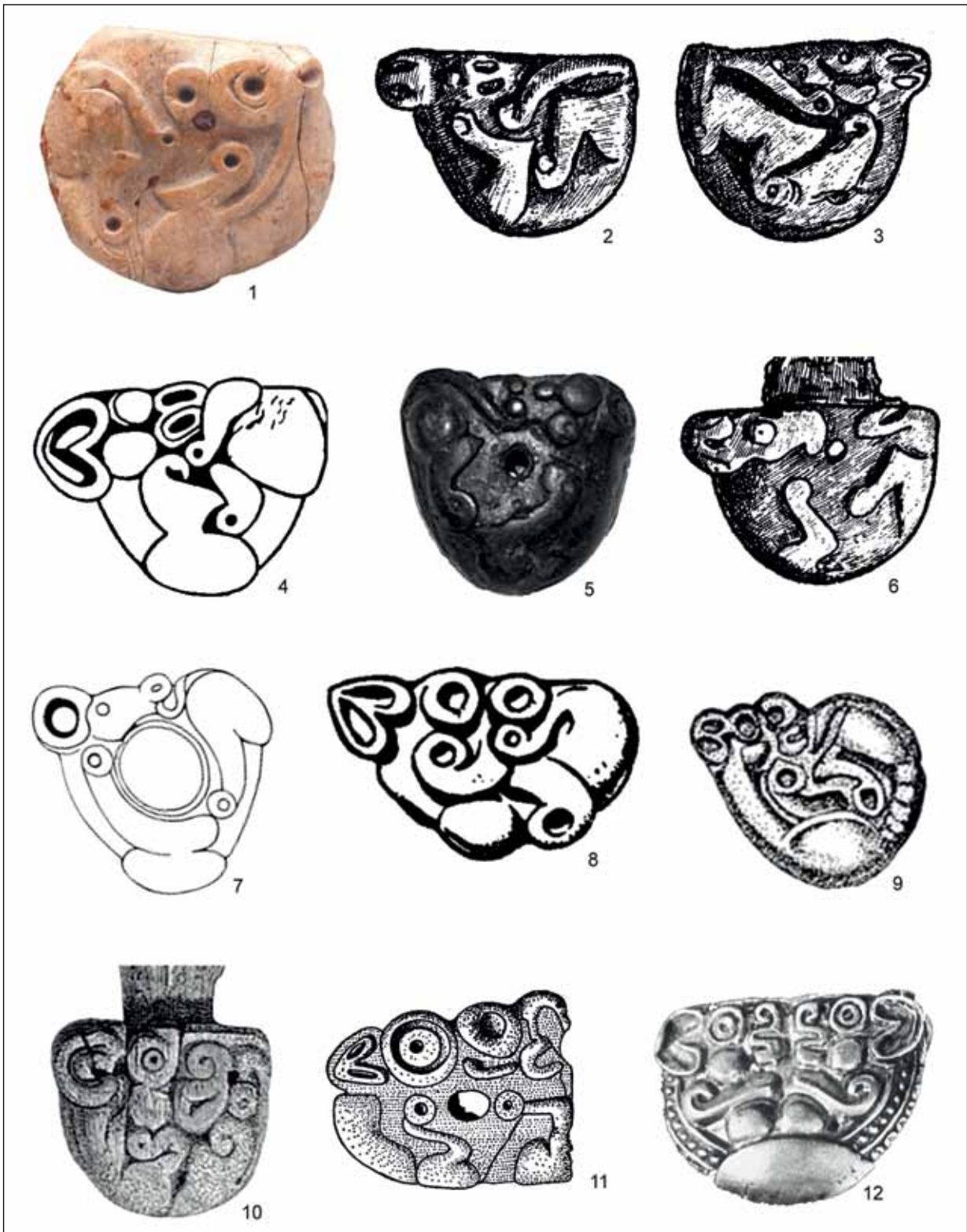

Рис. 3. Предметы украшенные изображениями свернувшегося животного. 1 – Адыгея; 2 – Рук; 3 – Тли, погребение 216; 4 – Нартан, курган 21; 5 – покупка в Майкопе в 1915 г.; 6 – Тли, погребение 164; 7 – Темир-Гора; 8 – Келермес, курган 24; 9 – Краснодарское водохранилище; 10 – Дарьевка; 11 – Кармир-Блур; 12 – Зивие. Масштаб изображений произвольный (по Батчаев 1985; Бобринской 1894; Галанина 1997; Ильинская/Тереножкин 1983; Канторович/Эрлих 2006; Канторович/Шишлов 2014; Махортых 2016; Смирнов 2015; Техов 1980; Ghirshman 1964).

Зооморфные фигуры свернувшегося животного, представленные, как правило, двусторонними изображениями, являются довольно разнообразными, поэтому, отнесение их всех к одному «келермесско-яблоновскому» типу (Канторович/Шишлов 2014), представляется мне преждевременным. Более продуктивным, с точки зрения художественного и хронологического анализа, будет выделение среди них нескольких композиционно-изобразительных групп.

Первую группу (два экз.) образуют зооморфные изображения на бутеролях из хутора Степного и курганной группы «Семигорье» (рис. 2: 1, 4). Их сближает композиционное сходство, и в частности, расположение длинного хвоста, находящегося в центре композиции, между передней и задней лапами, имеющими кольцевидные окончания.

Вместе с тем, рассматриваемые изображения отличаются друг от друга степенью стилизации/реалистичности исполнения образа, наличием/отсутствием таких элементов как шея, пасть, а также различной трактовкой морды, бедра и лопатки, что, вероятно, объясняется их различной хронологической позицией. Ближайшую композиционную аналогию для рассматриваемых предметов представляет золотая бляха из сибирской коллекции Петра 1 (рис. 2: 2), которая обнаруживает много общего с раннекифскими изделиями (келермесская пантера, костромской олень), выявленными на Кубани (Руденко 1962, табл. VI: 1). Следует упомянуть также костяную зооморфную бутероль из коллекции Barbier-Mueller хранящуюся в Женеве и предположительно происходящую из Ирана (рис. 2: 3; Barbier 1996, fig. 7). На ней зафиксировано аналогичное расположение лап и хвоста хищника, окончания которых переданы концентрическими окружностями.

Бутероль из кургана 46 группы «Семигорье» датируется последней четвертью VII – началом VI в. до н. э. (Канторович/Шишлов 2014, 93) и представляет собой наиболее схематичное воплощение образа свернувшегося хищника в этой группе. Что касается находки из хутора Степного, то В. Б. Виноградов (1972, 261) датировал ее не позднее середины VI в. до н. э., а возможно, и самым началом VI в. до н. э. Впоследствии Д. Топал (2015, 55, 71) удревил акинак из хутора Степного до первой половины VII в. до н. э., почему-то называя его то мечом, то кинжалом.

Как известно, использование бронзы в изготовлении акинаков далеко не всегда является основанием для архаичной датировки тех или иных образцов скифского клинкового биметаллического оружия (Махортовых 2017, 187, 188).

В связи с этим, важное значение приобретают выявленные вместе с ними предметы, в том числе и наконечник ножен с изображением хищника из хутора Степного. В настоящее время отсутствуют достоверные данные, подтверждающие бытование аналогичных зооморфных бутеролей в первой половине VII в. до н. э. К числу наиболее архаичных находок этого круга могут быть причислены наконечники ножен из келермесского кургана 1/Ш на Кубани и урартской крепости Аянис в Турции (рис. 2: 5), датирующиеся не ранее середины – третьей четверти VII в. до н. э. (Махортовых 2020; Çilingiroğlu 2018). При этом, изображения на обоих упомянутых выше предметах, по своей видовой принадлежности, иконографии и стилистике отличаются от изображения животного на бутероли из хутора Степного, которую следует относить к более молодой хронологической разновидности данной категории материальной культуры и датировать в рамках второй половины – конца VII в. до н. э.

Вторую, наиболее многочисленную группу (пять экз.) рассматриваемых находок составляют бутероли, на которых кисть передней лапы и окончание хвоста располагаются под мордой зверя, а стопа задней лапы находится рядом с локтем передней ноги (рис. 3: 1–5). В состав этой группы входят бутероли из кургана 21 Нартана, погребения 216 Тлийского могильника, случайные находки из села Рук, хутора Грозный, а также покупка 1915 г. в Майкопе. К числу общих черт большинства изображений этой группы относятся также наличие у животного крупного уха, разделенного на части прямыми или наклонными полосками/углублениями, а также оформление пасти, которая либо вообще не обозначена, либо слита воедино с ноздрей.

Такие детали как наличие отверстия и незаполненного поля в центральной части бутероли из «Майкопа» сближают ее с наконечником ножен из погребения 164 Тлийского некрополя, тогда как оформление изогнутой задней ноги и ее окончания с изображением на бутероли из хутора Грозного (рис. 3: 1, 5, 6).

По упомянутым выше изобразительным особенностям изображения на бутеролях второй группы, находят соответствия среди подобных изображений свернувшегося хищника, представленных на иных предметах материальной культуры (узденные пронизи, ручки зеркал и пр.), происходящих с территории Северо-Западного Кавказа и Крыма: курган 24 Келермесского могильника, случайная находка из чаши Краснодарского водохранилища и др. (рис. 3: 7–9; Галанина 1997, табл. 24: 374–376; Махортовых 2016, рис. 10: 2; Смирнов 2015, рис. 1: 1).

Что касается хронологии, то только две находки из рассматриваемой группы являются комплексными. Так, погребение в кургане 21 Нартана по сопровождающему инвентарю датируется в рамках второй половины – конца VII в. до н. э. (Алексеев 2003; Махортых 1991). Погребение 216 из Тли отнесено к самой молодой группе захоронений этого могильника с акинаками, которая датируется в рамках второй половины VII в. до н. э., а отчасти и VI в. до н. э. (Козубова/Скаков 2016, 95). Возраст бутероли из хутора Грозный определяется в пределах второй половины VII–VI вв. до н. э. (Канторович/Эрлих 2006, 79).

Третья группа рассматриваемых зооморфных бутеролей состоит из двух предметов. Один из них происходит из погребения 258 Тлийского некрополя, а другой из могильника Фаскау (рис. 2: 6, 7). Изображения свернувшегося животного на них «усилены» дополнительными зооморфными элементами. К числу последних относится сильно выступающая лопатка (выступ) в нижней части бутероли, оформленный в дополнительную фигурку, изображающую голову птицы. На наконечнике ножен из Фаскау птица изображена с гипертрофированным клювом с языком. Помимо этого, изображения на наконечниках ножен третьей группы свойственны и иные зооморфные «превращения». Например, на месте бедра животного из Фаскау изображен небольшой кружок, а рядом с ним имеется фигура в виде подошвы конского копыта, тогда как между передней лапой и окончанием хвоста животного из Тли имеется схематическое изображение головки птицы с длинным клювом и выделенным глазом. Рассматриваемые изображения между собой сближает также наличие непропорционально большого уха, выведенного за пределы общего контура и находящегося на одной линии с глазом и ноздрей. Пасть животного, при этом не обозначена, или сведена к минимуму.

В хронологическом отношении третья группа бутеролей, вероятно, является самой молодой из рассматриваемых в этой работе. Ее датировка укладывается в рамки начала – первой половины VI в. до н. э. Об этом свидетельствуют композиционные параллели изображениям на наконечниках ножен, а также выявленный вместе с ними инвентарь, и в частности железный топор сочетающий молоточковидный обух и листовидное лезвие (Техов 1980, рис. 19: 4). Близкие комбинированные «кинжалы-молотки» (по определению Б. В. Техова) датируются в рамках VI в. до н. э. и происходят также из погребений Нижне-Чегемского могильника в Кабардино-Балкарии (Виноградов 1972, 126, рис. 29: 1, 4; Козенкова 1995, 75; Техов 1980, 56).

Что касается, зооморфного выступа в нижней части анализируемых бутеролей третьей группы, то он, вероятно, появился под влиянием формы наконечников ножен, оформленных в виде протомы хищной птицы, которые получили значительное распространение на территории Центрального Кавказа в VI в. до н. э. вследствие воздействия скифского искусства (Вольная 2015, 28; Мошинский/Переводчикова 2004, 7). Это позволяет говорить о сосуществовании двух упомянутых вариаций зооморфных бутеролей украшенных изображениями свернувшегося животного и головы птицы, на каком-то хронологическом этапе, вероятно, в конце VII в. до н. э. и/или «раннем» VI в. до н. э.

Следует упомянуть также костяной наконечник лука из погребения 8 кургана 7 у села Новоалександровка на Нижнем Дону, на котором, как и на рассматриваемых бутеролях третьей группы, фиксируются зооморфные превращения, проявляющиеся в сочетании изображений свернувшегося хищника и головы птицы. Дата нашествия из Новоалександровки – первая половина VI в. до н. э. (рис. 2: 10; Коренько/Лукьяшко 1982, рис. 6: 2). Обращают на себя внимание и бутероли из Ирана, украшенные изображением фигуры свернувшегося хищника (рис. 2: 8, 9; Переводчикова 1983; Barbier 1996). Характером композиционного решения они сближаются с наконечниками ножен из могильника Фаскау и погребения 258 Тлийского некрополя. Наконечники имеют в нижней части выступ-лопатку, являющийся автономным декоративным элементом. Датировать эти бутероли следует в рамках начала – первой половины VI в. до н. э. Две из рассматриваемых находок являются довольно своеобразными и не входят ни в одну из выделенных мною композиционно-изобразительных групп. Одна из них происходит из погребения 164 Тлийского могильника, а другая из кургана в урочище Дарьевка.

Зверь на наконечнике ножен из погребения 164 Тли имеет вытянутую «клювовидную» морду, выделенный круглый глаз и большое ухо, декорированное углубленными наклонными линиями (рис. 3: 6). По форме уха, отчасти морды, или наличию отверстия, а также лаконичности представленных на бутероле изобразительных деталей, она сближается с изображениями на некоторых кавказских наконечниках ножен, например, из села Рук или «Майкопа» (рис. 3: 2, 5). Однако, помимо «клювовидного» завершения морды, его отличает короткий хвост, окончание которого загнуто наружу. Судя по сопровождающим бутероль предметам (акинак «келермесского» типа и двухлезвийный топор), перед нами одно из наиболее ранних (в рамках второй половины

VII в. до н. э.) захоронений с наконечником ножен из Глийского могильника (Махортых 2017, 184).

Что касается изображения свернувшегося хищника на бутероли из Дарьевки, то ближай-

шие соответствия ей, в том числе и по наличию гипертрофированно переданных элементов (крупная голова с глазом, оформленным в виде концентрических кругов, и ухом сердцевидной

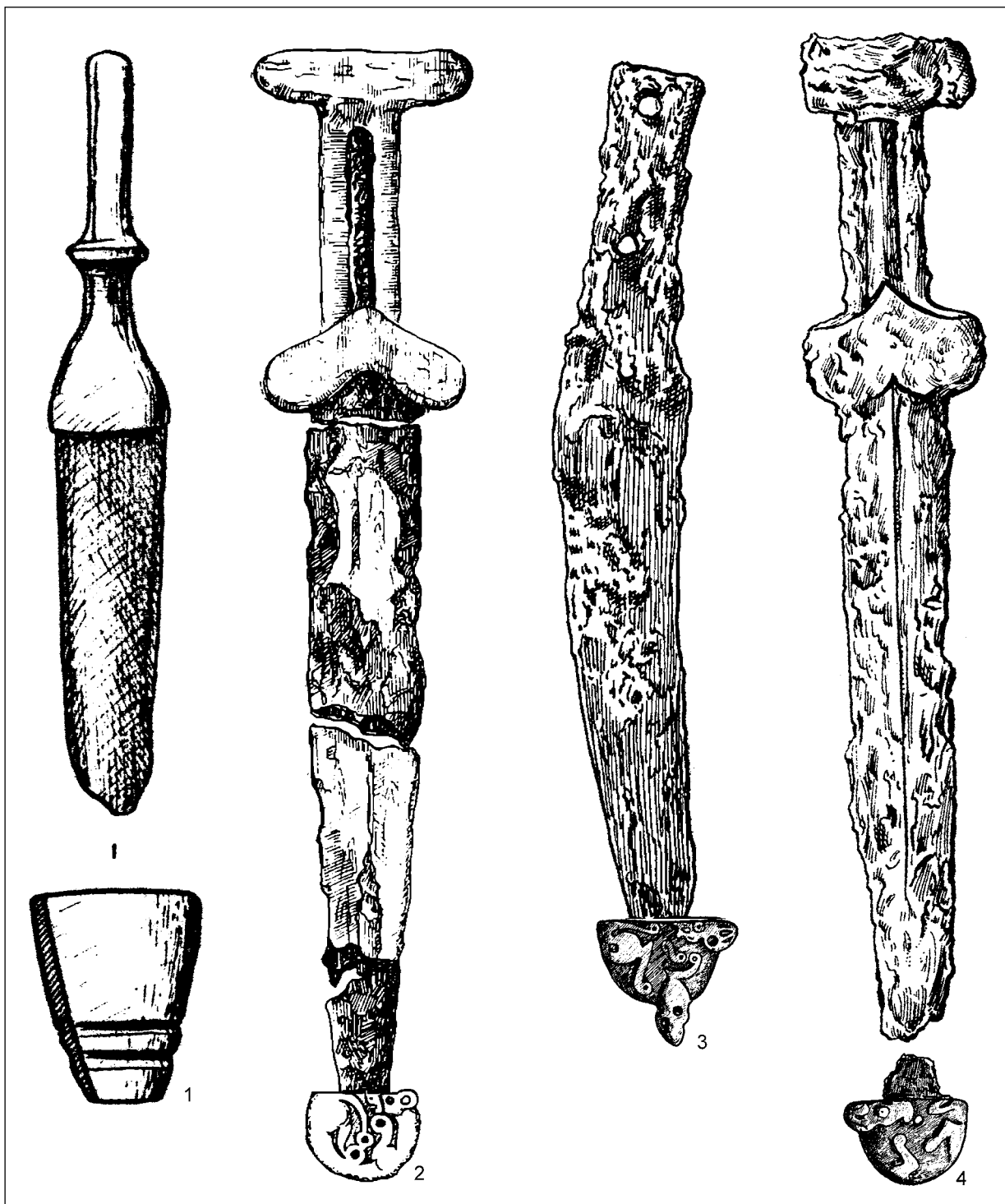

Рис. 4. Железные и биметаллические предметы вооружения с наконечниками ножен. 1 – Кочковатое, курган 31, погребение 1; 2 – Степной; 3 – Тли, погребение 258; 4 – Тли, погребение 164. Масштаб изображений произвольный (по Ванчугов/Субботин/Дзиговский 1992; Виноградов 1972; Техов 1980).

формы), обнаруживаются на костяных зооморфных наконечниках ножен из Кармир-Блура (Армения), Сард (Турция) и Зивие (Иран; рис. 3: 10–12; Ильинская/Тереножкин 1983, 35; Ghirshman 1964, fig. 157). Все эти находки имеют непосредственное отношение к пребыванию восточноевропейских кочевников в Передней Азии. Изображения на бутеролях из Дарьевки и Кармир-Блура сближают между собой и схематично переданные короткие лапы, располагающиеся параллельно друг другу и являющиеся продолжением естественно размещенных и примыкающих к друг

другу бедра и плеча животного. Перечисленные предметы из Дарьевки, Кармир-Блура и Сард следует относить к самостоятельной и наиболее молодой в рамках второй половины – конца VII в. до н. э. (а возможно и начала VI в. до н. э.) композиционно-изобразительной группе изображений свернувшегося хищника. Основной территорией ее распространения является Передняя Азия и юг Восточной Европы. Эта модификация рассматриваемого образа не находит аналогий в восточных районах Евразии в эпоху скифской архаики.

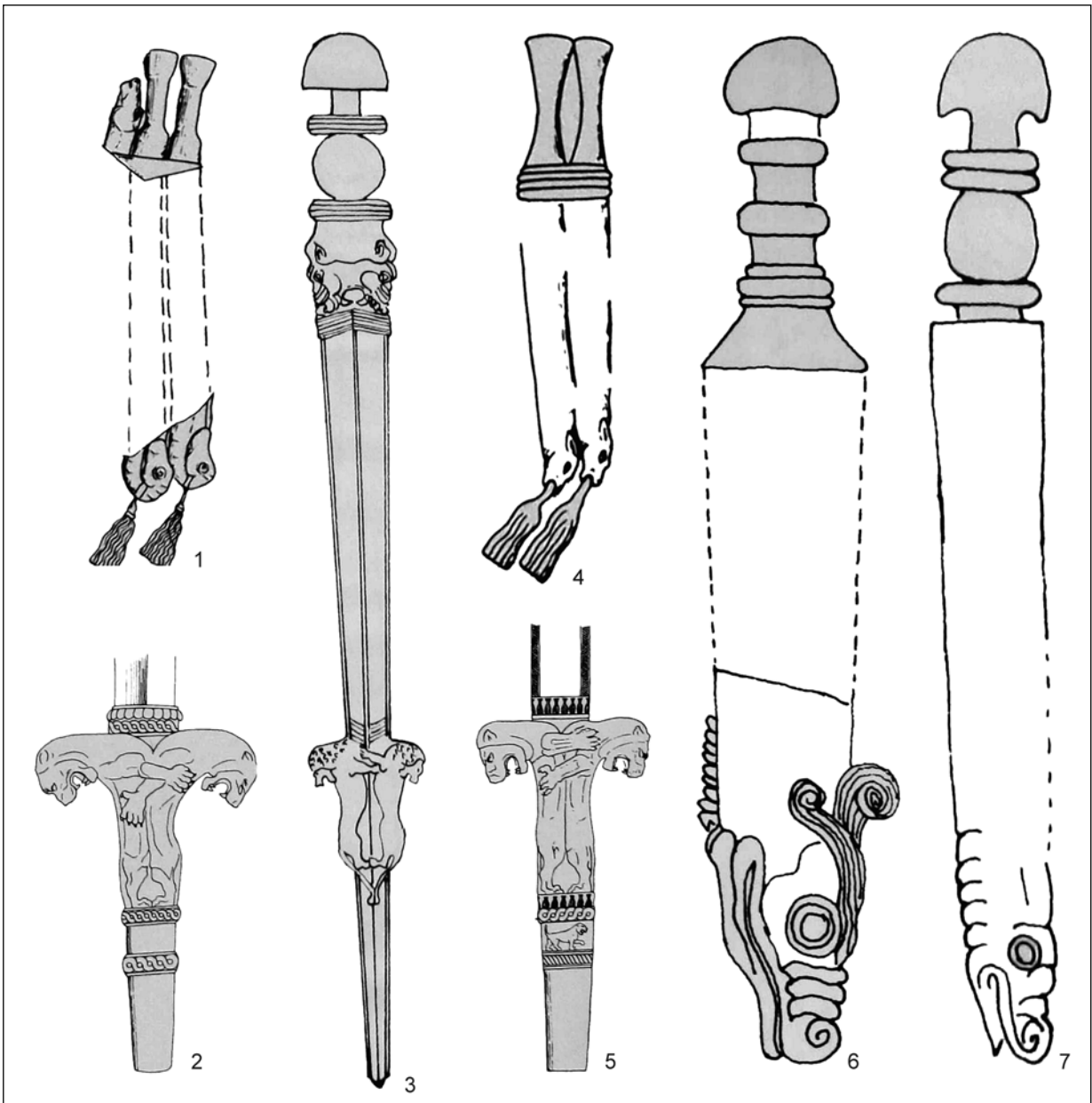

Рис. 5. Изображения зооморфных наконечников ножен на ассирийских рельефах IX–VII вв. до н. э. 1, 2, 4, 5 – Нимруд; 3 – Хорсабад; 6, 7 – Ниневия. Масштаб изображений произвольный (по Hrouda 1965; Madhloom 1970).

Две из рассматриваемых находок являются фрагментированными, поэтому составить представление об их «типологической» принадлежности довольно сложно. Тем не менее, удлиненная форма головы животного сближает изображение на обломке бутероли из Фаскау с находками из Тли и Рука (*Мошинский/Переводчикова 2004, 6*). Курган 453 у села Макеевка, где выявлена еще одна фрагментированная бутероль, входит в раннюю хронологическую группу скифских захоронений VII в. до н. э. Днепровской правобережной лесостепи, в составе инвентаря которой присутствуют бронзовые стремечковидные удила и глиняные сосуды в виде кубков, украшенных геометрическим орнаментом. Датируется захоронение из Макеевки не ранее третьей четверти VII в. до н. э. (*Махортых 2014, 76*). К сожалению, качество публикации наконечника ножен из погребения 378 Тлийского могильника не позволяет судить о типологической принадлежности имеющегося на нем изображения, поэтому я отношу его к рассматриваемой группе бутеролей условно. *Б. В. Техов (2002, 30)* датирует этот комплекс VI в. до н. э.

ВЫВОДЫ

На юге Восточной Европы традиция изготовления бронзовых бутеролей существовала в предскифский период. В первую очередь, речь идет о т.н. весловидных наконечниках ножен, основным центром распространения которых являлся Северный Кавказ (*Андреева/Козенкова 1986; Дударев 1999, 149; Яровой/Кашуба/Махортых 2002, 310*). Вместе с тем, находки бронзовых наконечников ножен в белозерских захоронениях финальной бронзы из села Кочковатое, курган 31, погребение 1 (рис. 4: 1) и города Каланчак, позволяют предполагать хронологический и формотворческий приоритет северопричерноморского региона в вопросе происхождения и распространения этой категории предметов (*Ванчугов/Субботин/Дзиговский 1992, рис. 8: 7; Махортых 2003, 42*).

Следует отметить типологическое разнообразие клинкового оружия, при котором находились анализируемые зооморфные наконечники ножен. Среди них биметаллические и железные кинжалы

с бабочковидным и брусковидным перекрестиями, акинаки «келермесского» типа и пр. (рис. 4: 2–4). На Кавказе и в Северном Причерноморье наконечники ножен, украшенные изображениями свернувшегося животного, принадлежат к числу инноваций раннекифского времени. Эта идея, вероятно, была заимствована восточноевропейскими номадами в период их пребывания на Древнем Востоке. В этом регионе наибольшую популярность традиция декорирования оконечий ножен мечей и кинжалов зооморфными мотивами, и в частности, парными фигурами львов, а также изображениями голов различных животных получила в Ассирии, откуда она могла распространиться и на соседние территории. Зооморфные бутероли довольно хорошо известны по изображениям на ассирийских рельефах IX–VII вв. до н. э. из Нимруда, Хорсабада и Ниневи (рис. 5: 1–7; *Hrouda 1965, 81, 86, 88, tabl. 21: 16, 17; 22: 1, 3, 20, 23; Madhloom 1970, 44, tabl. 20: 3, 4; 23: 3, 7*). Следует подчеркнуть, что эта категория материальной культуры использовалась, главным образом, царем, и его приближенными, а также играла важную роль в церемониях и ритуалах.

В Восточной Европе наконечники ножен, украшенные изображениями свернувшегося животного, получили распространение на Кавказе и в лесостепном Поднепровье. Значительная часть находок (7 из 14 экземпляров) концентрируется в горной зоне Центрального Кавказа. Большинство этих предметов имеет полуовальную форму, а для их изготовления использовалась бронза и кость (рог).

Представленные на бутеролях зооморфные изображения свернувшегося хищника являются неоднородными. Среди них выделяется несколько групп, отличающихся друг от друга рядом композиционных и/или изобразительных особенностей: расположением лап и хвоста относительно друг друга и иных частей тела животного, наличием дополнительных зооморфных орнаментальных элементов и пр.

Основной период бытования рассматриваемых зооморфных наконечников ножен приходится на вторую половину – конец VII в. до н. э., хотя некоторые из них, и прежде всего бутероли третьей группы, очевидно, продолжали бытовать и в VI в. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 2003 – А. И. Алексеев: *Хронография европейской Скифии*. Санкт-Петербург 2003.
Андреева/Козенкова 1986 – М. В. Андреева/В. И. Козенкова: Комплекс начала I тысячелетия до н. э. из урочища Клин-яр. *Советская археология* 1, 1986, 253–257.

Батчаев 1985 – В. М. Батчаев: Древности предскифского и скифского периодов. В: М. П. Абрамова/В. И. Козенкова (ред.): *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Т. 2. Нальчик 1985, 7–116.

- Бобринской 1894 – А. А. Бобринской: *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург 1894.
- Ванчугов/Субботин/Дзиговский 1992 – В. П. Ванчугов/Л. В. Субботин/А. В. Дзиговский: *Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья*. Киев 1992.
- Виноградов 1972 – В. Б. Виноградов: *Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время*. Грозный 1972.
- Виноградов 1974 – В. Б. Виноградов: Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии. *Советская археология* 4, 1974, 258–263.
- Вольная 2015 – Г. Н. Вольная: Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналоги в скифо-сибирском зверином стиле. *Российская археология* 1, 2015, 19–31.
- Галанина 1977 – Л. К. Галанина: *Скифские древности Поднепровья*. Москва 1977.
- Галанина 1997 – Л. К. Галанина: *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи*. Москва 1997.
- Дударев 1999 – С. Л. Дударев: *Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху*. Армавир 1999.
- Ильинская/Тереножкин 1983 – В. А. Ильинская/А. И. Тереножкин: *Скифия VII-IV вв. до н. э.* Киев 1983.
- Канторович/Эрлих 2006 – А. Р. Канторович/В. Р. Эрлих: *Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи*. Москва 2006.
- Канторович/Шишлов 2014 – А. Р. Канторович/А. В. Шишлов: Зооморфная буфероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле. *Вестник Южного научного центра* 10 (4), 2014, 85–95.
- Козенкова 1995 – В. И. Козенкова: *Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант*. Москва 1995.
- Козубова/Скаков 2016 – А. Козубова/А. Ю. Скаков: Проблема датировки кинжалов типа Rosmuz и их кавказские аналогии. *Российская археология* 3, 2016, 84–101.
- Кореняко/Лукьяшко 1982 – В. А. Кореняко/С. В. Лукьяшко: Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона. *Советская археология* 3, 1982, 149–164.
- Махортых 1991 – С. В. Махортых: *Скифы на Северном Кавказе*. Киев 1991.
- Махортых 2003 – С. В. Махортых: *Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху*. Киев 2003.
- Махортых 2014 – С. В. Махортых: Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья. *Revista Arheologică* 10/1–2, 2014, 69–78.
- Махортых 2016 – С. В. Махортых: Скифские зеркала эпохи архаики на Северном Кавказе и в лесостепном Поднепровье. В: Б. А. Байтанаев (ред.): *Актуальные проблемы археологии Евразии*. Алматы 2016, 297–323.
- Махортых 2017 – С. В. Махортых: О скифо-кавказском направлении контактов населения ананьинской культуры в VII-VI вв. до н. э. *Археология евразийских степей* 3, 2017, 183–208.
- Махортых 2020 – С. В. Махортых: Изображения свернувшегося хищника VII-VI вв. до н. э. на Древнем Востоке. В: М. К. Хабдулина (ред.): *Маргулановские чтения 2020*. Нур-Султан 2020, 349–364.
- Мошинский 2010 – А. П. Мошинский: *Древние бронзы Кавказа*. Москва 2010.
- Мошинский/Переводчикова 2004 – А. П. Мошинский/Е. В. Переводчикова: Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории. *Боспорские исследования* 7, 2004, 5–26.
- Переводчикова 1983 – Е. В. Переводчикова: О сюжетах изображений на буферолях акинаков ахеменидского времени. *Вестник древней истории* 3, 1983, 96–102.
- Руденко 1962 – С. И. Руденко: *Сибирская коллекция Петра I*. Москва 1962.
- Смирнов 2015 – Н. Ю. Смирнов: Зверь и птица из Темир-Горы. *Боспорские исследования* 31, 2015, 50–59.
- Техов 1980 – Б. В. Техов: *Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н. э.* Москва 1980.
- Техов 2002 – Б. В. Техов: *Тайны древних погребений*. Владикавказ 2002.
- Топал 2015 – Д. А. Топал: Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия. *Материалы по археологии Северного Причерноморья* 13, 2015, 54–99.
- Яровой/Кашуба/Махортых 2002 – Е. В. Яровой/М. Т. Кашуба/С. В. Махортых: Киммерийский курган у пгт. Слободзея. В: Н. А. Кетрару (ред.): *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь 2002, 279–343.
- Barbier 1996 – J. Barbier: *Art des steppes: ornements et pièces de mobilier funéraire scytho-sibérien dans les collections du Musée Barbier-Mueller*. Genève 1996.
- Çilingiroğlu 2018 – A. Çilingiroğlu: Ayanis fortress: The day after the disaster. In: A. Çilingiroğlu (ed.): *Urartians: A civilization in the Eastern Anatolia*. Istanbul 2018, 13–26.
- Ghirshman 1964 – R. Ghirshman: *The arts of ancient Iran: from its origins to the time of Alexander the Great*. New York 1964.
- Hrouda 1965 – B. Hrouda: *Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbildes*. Bonn 1965.
- Madhloom 1970 – T. Madhloom: *The Chronology of Neo-Assyrian Art*. London 1970.

Manuscript accepted 19. 6. 2020

Translated by Sergey Makhortyk

Сергей Махортых, д.и.н.
Институт археологии Украинской академии наук
пр. Героев Сталинграда 12
Украина – 04210 Киев
makhortyk@yahoo.com

On the One Type of the Early Scythian Zoomorphic Scabbard Chapes

Sergey Makhortykh

SUMMARY

In the Caucasus and the forest-steppe Dnieper area, scabbard ends decorated with images of a coiled animal constitute one of the innovations of the Early Scythian time. This design was probably borrowed by the Scythians during their military raids to the Near East, where the tradition of decorating the ends of sword and dagger scabbards with various zoomorphic motifs was particularly common in Assyria. In Eastern Europe, zoomorphic scabbard chapes were found primarily in the Caucasus and the forest-steppe Dnieper area. Many of the finds (7 out of 14 objects) came from the mountainous areas of the Central Caucasus. The majority of artifacts are of a semi-oval shape and were

made from bronze and bone (horn). The zoomorphic images of a coiled animal found on the chapes on the sword or dagger scabbard ends are heterogeneous. Three groups of images can be distinguished based on the differences in compositional and/or pictorial features. These features included the location of the paws and the tail relative to each other as well as the other parts of the animal's body, the presence of additional zoomorphic ornamental elements, etc. The main period of existence of the examined scabbard ends was the second half – the end of the 7th century BC, although some of them, in particular the chapes of the third group, continued to exist in the 6th century BC.

Fig. 1. Distribution map of scabbard chapes decorated with images of a coiled animal in the Caucasus and in the forest-steppe Dnieper area. 1 – Stepnoy; 2 – Nartan, barrow 21; 3, 4 – Faskau; 5 – Ruk; 6–9 – Tli, burials 164, 216, 258, 378; 10 – Grozniy; 11 – Semigorye barrow group, barrow 46; 12 – Makeevka, barrow 453; 13 – Dar'evka.

Fig. 2. Ends of the scabbards (1, 3–9, 11) and bow (10) as well as a plaque (2) decorated with zoomorphic images. 1 – Stepnoy; 2 – siberian collection of Peter I; 3, 8, 9 – Iran; 4 – Semigorye; 5 – Ayanis; 6 – Faskau; 7 – Tli, burial 258; 10 – Novoaleksandrovka, barrow 7, burial 8; 11 – Makeevka, kurgan 453. Scale of the images is arbitrary (after *Виноградов 1972; Галанина 1977; Канторович/Шишлов 2014; Кореняко/Лукьяшко 1982; Мошинский 2010; Переводчикова 1983; Руденко 1962; Техов 1980; Barbier 1996; Çilingiroğlu 2018*).

Fig. 3. Objects decorated with images of a coiled animal. 1 – Adygea; 2 – Ruk; 3 – Tli, burial 216; 4 – Nartan,

barrow 21; 5 – purchase in Maykop in 1915; 6 – Tli, burial 164; 7 – Temir-Gora; 8 – Kelermes, barrow 24; 9 – Krasnodar reservoir; 10 – Dar'evka; 11 – Karmir-Blur; 12 – Ziviye. Scale of the images is arbitrary (after *Батчаев 1985; Бобринской 1894; Галанина 1997; Ильинская/Тереножкин 1983; Канторович/Эрлих 2006; Канторович/Шишлов 2014; Махортых 2016; Смирнов 2015; Техов 1980; Ghirshman 1964*).

Fig. 4. Iron and bimetallic weapons with the ends of the scabbard. 1 – Kochkovatoo, barrow 31, burial 1; 2 – Stepnoy; 3 – Tli, burial 258; 4 – Tli, burial 164. Scale of the images is arbitrary (after *Ванчугов/Субботин/Дзиговский 1992; Виноградов 1972; Техов 1980*).

Fig. 5. Images of zoomorphic scabbard chapes on Assyrian reliefs of the 9th–7th centuries BC. 1, 2, 4, 5 – Nimrud; 3 – Khorsabad; 6, 7 – Nineveh. Scale of the images is arbitrary (after *Hrouda 1965; Madhloom 1970*).

